

© 2008 г.

И. А. Макаров, С. В. Ушаков

КРАСНОФИГУРНЫЙ КИЛИК С НАДПИСЬЮ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В ходе раскопок III квартала Северо-восточного района Херсонеса Таврического в 1988 г. (руководитель экспедиции М.И. Золотарев) был найден фрагмент закраины глубокого краснофигурного килика с процарапанной на его внутренней стороне однострочной надписью (рис. 1–2, вклейка). Согласно составленному М.И. Золотаревым отчету, хранящемуся в архиве Херсонесского музея-заповедника, раскопки проводились в центральной, юго-восточной и южной частях средневекового квартала III¹. В этом отчете (с. 5) отмечалось, что нумерация помещений была условной, так как сопоставление сохранившихся кладок средневековых помещений с планами раскопок Р.Х. Лепера, выполненных Н.М. Янышевым, показало невозможность осуществления их идентификации. Однако это не совсем так: фактическая нумерация исследованных помещений совпала с теми, что имеются на старых планах (рис. 3). Все помещения исследовались в свое время Р.Х. Лепером, но практически ни в одном из них работы не были доведены до конца (до материковой скалы). В помещениях 42, 46 и 49 сохранились напластования наскального культурного слоя, относящиеся к античному времени. Они были не только синхронны, но и содержали фрагменты одних и тех же сосудов, найденных в разных местах указанных помещений (Отчет. С. 18).

Укажем основные категории находок, происходящих из нижних слоев (массовый материал) соседних помещений, которые существовали в византийскую эпоху. Это можно сделать на примере помещения 46. Там найдены (во фрагментах) амфоры (Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Родоса, амфоры типа Солоха), аттическая чернолаковая столовая посуда, так называемая ионийская полосатая керамика, сероглиняные сосуды с черным покрытием (Отчет. С. 9–12). По первым определениям датировка амфорной тары не выходит за пределы первой половины IV в. до н.э. (Отчет. С. 20). Аттическая чернолаковая посуда – солонки, тарелочки, канфары и килики – относятся к последней четверти V – первой половине IV в. до н.э. (Отчет. С. 20. Рис. 54–57).

Публикуемый килик (инв. № 225/37151) происходит из нижнего слоя засыпи помещения 49 (в средневековье там располагалась вымостка двора средневековой бани). Мощность всей засыпи составляла 1.2–1.3 м (Отчет. С. 20. Рис. 18).

¹ Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив НЗХТ. Д. 2845. С. 2. Далее ссылки на страницы этого отчета даются в скобках.

Рис. 1. Фрагмент краснофигурного килика IV в. до н.э. Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Рис. 2. Надпись на внутренней стороне килика

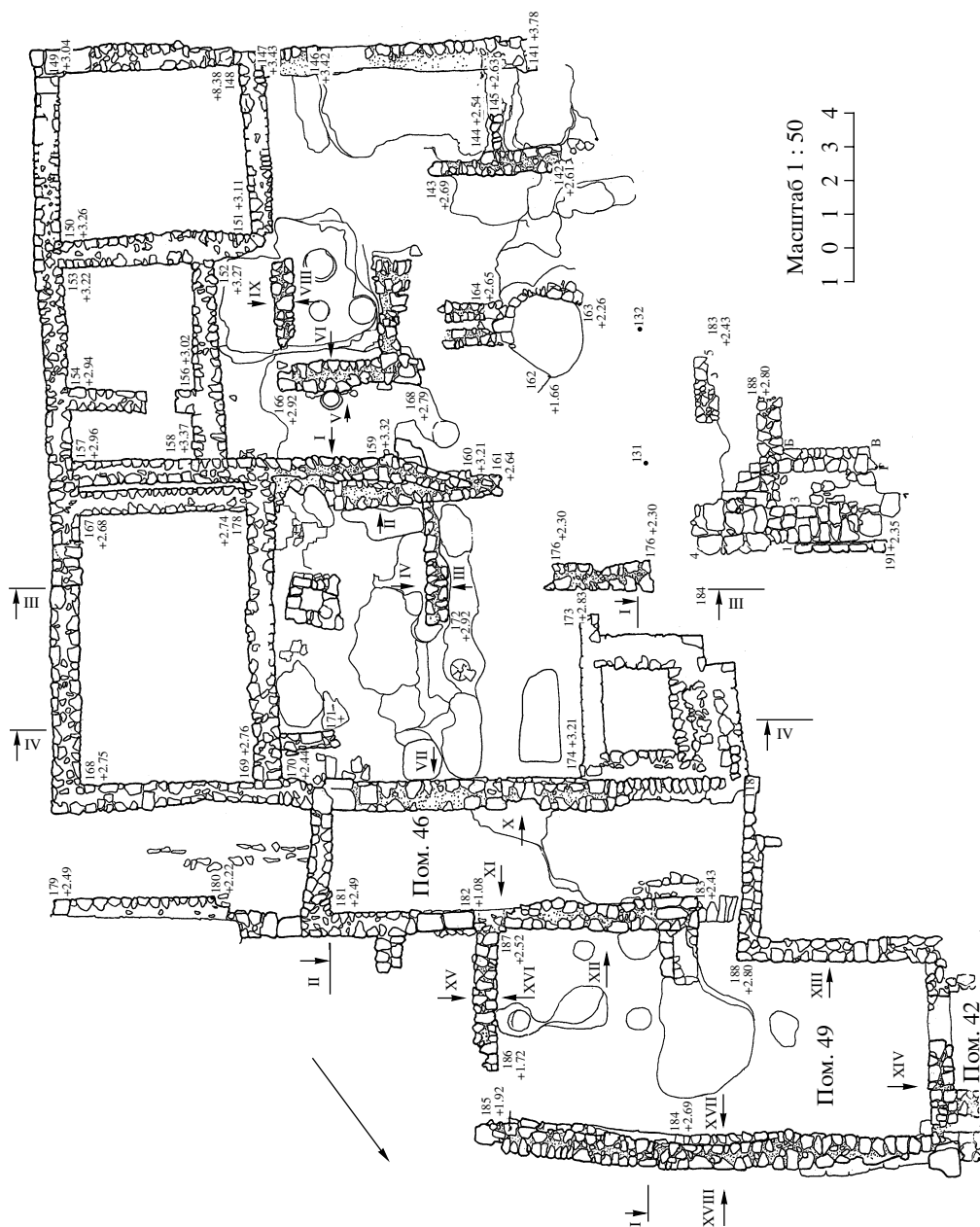

Рис. 3. Генеральный план раскопа северо-восточного района Херсонеса (1988 г.)

Нижний наскальный слой – материковая глина желтого цвета с песком, мелкими камнями с вкраплениями древесного угля и обломками керамики (Отчет. С. 17). Керамический материал здесь, как говорилось выше, тот же, что и в нижних (наскальных) слоях соседних помещений. Датировка амфорных находок здесь, как и в помещении 46, – первая половина IV в. до н.э. (Отчет. С. 22). Это подтверждается и данными керамических клейм: комплекс гераклейских и фасосских клейм не выходит за пределы середины или начала второй половины IV в. до н.э. (Отчет. С. 28 сл.).

Массовыми находками из слоя представлена аттическая чернолаковая керамика: фрагментированные тарелочки, килики, солонки, скифосы, рыбные блюда (Отчет. Рис. 72–79, 93). Как было определено М.И. Золотаревым (Отчет. С. 29), они датируются второй половиной V – первой третью IV в. до н.э. Оттуда же происходят фрагменты большого аттического краснофигурного кратера (Отчет. Рис. 95) «строгого» стиля конца первой четверти V в. до н.э. (Отчет. С. 25). Там же найдены фрагменты маленьких краснофигурных асков с изображением пантер, расписных скифосов с пальметтами и растительным орнаментом, краснофигурных кратеров «беглого» стиля, два фрагмента краснофигурной пелики (Отчет. Рис. 99), которые датируются около середины IV в. до н.э. Сравнение всего материала с комплексом находок одного из храмов на острове Эгина² привело М.И. Золотарева к заключению об их полном совпадении в мельчайших деталях и позволило отнести херсонесские находки ко времени не позднее первой половины IV в. до н.э. В качестве близких аналогий отдельным находкам из Херсонеса могут быть названы предметы с афинской Агоры³.

Килик с граффи́то, о котором идет речь, относится к группе краснофигурных сосудов с дионисийскими сюжетами. Фрагменты нескольких таких сосудов происходят из раскопок 1988 г. (Отчет. Рис. 96–98). Сосуд принадлежит к типу глубоких киликов. Закраина его утолщена и отогнута наружу. На внешней стороне сохранилось изображение верхних частей трех фигур (мужской и двух женских), повернутых друг к другу и изображенных в профиль. Мужская фигура (профиль вправо) обнажена, на голове – веночек, обозначенный белой накладной краской. У женщины (профиль влево) – небрежная прическа с выбивающимися из-под диадемы (белого цвета) локонами. В левой руке женщина держит тамбури⁴. От третьей фигуры сохранилось только изображение головы (профиль влево). На внутренней стороне отогнутого наружу венчика помещен орнамент из листьев и плодов плюща, нанесенный жидкой глиной и белой краской.

Надо отметить, что формы таких киликов – не самые массовые находки в Аттике: в публикации материалов раскопок насчитывается всего десяток экземпляров этого типа сосудов (cup-skyphos)⁵. Они имеют округлые глубокие вместилища на кольцевых поддонах. Сосуд, наиболее близкий по форме находке из Херсонеса, датируется ок. 380 г. до н.э.⁶ Похожий килик с краснофигурной росписью на внешней стороне и орнаментом на внутренней стороне закраины происходит из раскопок Елизаветовского городища и датируется издателем первой четвертью IV в. до н.э.⁷ Несколько близких по форме сосудов были найдены при раскопках некрополя Панское I: один из них датируется концом V – началом IV в. до н.э.⁸,

² Williams D. Aegina, Aphaia-Tempel. XI. The Pottery from the Second Limestone Temple and Late History of the Sanctuary // *Archäologischer Anzeiger*. 1987. 4. S. 629–680.

³ Об этом говорит сравнение росписи кратеров и крышек лекан из Херсонеса (Отчет. Рис. 95, 98) и Афин (*Rotroff S.I., Oakley J.H. Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora*. Princeton–New Jersey, 1992 (Hesperia. Suppl. XXV). Pl. 25, 258).

⁴ Ср. Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985. Кат. № 75.

⁵ Sparkes B.A., Talkott L. Black and Plain Pottery. Princeton–New Jersey, 1970 (The Athenian Agora. Vol. XII. Pt 1–2). P. 111–112. Pl. 27, 613–623.

⁶ Ibid. P. 280. № 623.

⁷ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 56. Табл. XXX, 15.

⁸ Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45; Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. 1998. № 5. С. 168. Рис. 5, 14.

другие – второй четвертью – серединой IV в. до н.э.⁹ К тому же самому или чуть более позднему времени можно отнести килик из некрополя у пос. Заозерное в Крыму¹⁰. Таким образом, на основании приведенных аналогий публикуемый килик можно отнести к первой половине IV столетия до н.э.

Полностью сохранившаяся греческая надпись ΑΓΕΜΟΝΑΣΚΑΛΑΣ достаточно аккуратно процарапана на внутренней стороне края сосуда (высота букв 0.8–1 см). По шрифту она датируется IV в. до н.э., скорее всего его первой половиной. Укажем на следующие особенности палеографии: *альфа* с прямой перекладиной, средняя гаста *эпсилон* имеет ту же длину, что и остальные, *мю* с расходящимися вертикалями, *омикрон* того же размера, что и остальные буквы, гасты *сигмы* расходятся. Словораздел не представляет трудности: Ἀγεμχόνας καλᾶς. Надпись выполнена на обычном для Херсонеса Таврического дорийском диалекте, на что указывает вокализм: Ἀγεμόνα вместо аттическо-ионийского Ἠγεμόνη и καλᾶ вместо аттическо-ионийского καλή.

Слово Ἀγεμόνα/Ἠγεμόνη может быть истолковано как женское личное имя, соответствующее мужскому антропониму Ἀγεμών/Ἠγεμών. Оно встречается в ряде областей греческого мира, хотя в целом представляется достаточно редким¹¹. В Северном Причерноморье оно пока ни разу не засвидетельствовано¹². Если перед нами женское личное имя Ἀγεμόνα, то приведенная надпись должна быть интерпретирована как владельческая: «(чаша) прекрасной Гегемоны». Между тем наличие эпитета при личном имени не характерно для владельческих граффити¹³, что порождает сомнения в истинности указанной интерпретации. С другой стороны, выбор эпитета сближает публикуемую надпись с другим распространенным типом граффити, где личное имя (чаще всего мужское, реже женское) сопровождается прилагательным καλός (соответственно καλή для женского рода). Как правило, такие граффити имеют эротические коннотации и были написаны от лица поклонников¹⁴. Нередко характер женских имен, сопровождающихся эпитетом καλή, позволяет предполагать, что их обладательницы были гетерами¹⁵. Однако в надписях такого рода используется номинативная конструкция: ὁ δεῖνα καλός или ἡ δεῖνα καλή. Иными словами, при понимании слова Ἀγεμόνα как личное имя, данный текст невозможно с уверенностью отнести ни к владельческим, ни к любовным граффити. Нельзя полностью исключить предположение, что перед нами пример смешения этих двух типов, но убедительные параллели, которыми можно было бы подкрепить именно такое

⁹ Рогов, Тункина. Ук. соч. С. 163.

¹⁰ Егорова Т.В. Чернолаковая керамика из некрополя у поселка Заозерное // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научн. конф. Ч. 2. СПб., 2004. С. 145. Рис. 1, 14.

¹¹ Имя отсутствует в словаре Pape-Benseler. Тем не менее уже для архаического времени оно засвидетельствовано на Фере (надгробная надпись на килике: Ἀγεμόνας σαῖα, см. Guarducci M. Epigrafia greca III. Roma, 1974. P. 126. Fig. 51). Имеются примеры и в других местах: Евбея, Кипр, Киренаика (LGPN I, s.v.), Эпидамн-Диррахий (LGPN III.A, s.v.).

¹² В Херсонесе Таврическом один раз встречается мужское личное имя Ἀγεμών (IOSPE I². 403, III в. до н.э. ср. LGPN IV, s.v.). Ср. также личное имя Ἠγεμών в Ольвии (IV в. до н.э., SEG L. 702 IV 7; ср. LGPN IV, s.v.).

¹³ В корпусе М. Лэнг имеется лишь один относительно близкий пример (F 316: Αἰλιανός/ Δρυμοῦ/ παλαιός), причем относящийся к римскому времени. См. Lang M. Graffiti and Dipinti. Princeton, 1976 (The Athenian Agora. XIII).

¹⁴ Ср. Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. № 7 (Ольвия): Κολανδάκης καλός.

¹⁵ Например, характерное личное имя Афродисия в аттическом граффито начала V в. до н.э. [Ἀφρο]δισία καλ[ε]. См. Lang. Op. cit. P. 13.

понимание надписи, нам не известны. Наконец, следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Анализ и восстановление многочисленных граффити из Херсонеса Таврического позволил Э.И. Соломоник прийти к заключению, что надписи на стенках сосудов, как правило, не являются в этом центре владельческими, а содержат имена богов в родительном падеже¹⁶. Если следовать этому эмпирическому правилу, то рассматриваемое граффито должно носить либо посвяtitельный характер, либо указывать на то, что сосуд был предназначен для симпозиа или либации в храмах и домашних святилищах. В пользу последнего предположения может свидетельствовать не только расположение надписи на стенке сосуда под венчиком, но и сам тип сосуда (килик)¹⁷.

Приведенные причины заставляют искать другое объяснение слова 'Αϋεμόνη. Действительно, в различных областях Греции оно засвидетельствовано как культовая эпиклеза (буквальное значение «Предводительствующая»). В культовой практике греков это наименование могло относиться всего к трем женским божествам: одной из харит, Афродите и Артемиде. Перечислим имеющиеся на этот счет свидетельства. Харита по имени 'Ηϋεμόνη почиталась в Аттике как божество, покровительствующее весеннему появлению растений. Ее культ слабо документирован, хотя, по замечанию Павсания (IX. 35. 2), наряду с культом другой хариты, Ауксо, он относился к числу древнейших. Действительно, древность данного культа подтверждается упоминанием имен Гегемоны и Ауксо в тексте клятвы афинских эфэбов, дошедшем до нас благодаря надписи середины IV в. до н.э. из дема Ахарны (Rhodes–Osborne 88; ср. Pollux. VIII. 106)¹⁸.

О почитании Афродиты с эпиклезой 'Ηϋεμόνη сообщает Гесихий (s.v. 'Ηϋεμόνη). Эпиграфически эта информация подкрепляется, как и в предыдущем случае, только данными из Афин. Так, в северо-западной части афинской Агоры был обнаружен алтарь конца III в. до н.э., посвященный Советом «Афродите Предводительнице народа ('Αφροδίτῃ ἡγεμόνῃ τοῦ δήμου) и харитам» (IG II². 2798 = The Athenian Agora III. P. 161. № 130). В этом случае речь, вероятно, шла, как можно заключить из выражения ἡγεμόνῃ τοῦ δήμου, о политическом аспекте культа божества. Второе эпиграфическое свидетельство, также конца III в. до н.э., происходит из аттической крепости Рамнунта: там Афродита Гегемона почиталась воинами местного гарнизона, по-видимому, как военная предводительница (SEG XLI. 90 и 91; ср. Petrakos. Rhamnous. 131–134; Bull. ép. 1991, 237)¹⁹.

В отличие от двух названных культов, не засвидетельствованных, как мы видим, за пределами Аттики, культ Артемиды Гегемоны имел распространение в самых разных частях греческого мира²⁰. Так, в Аркадии богиня почиталась в не-

¹⁶ Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 127.

¹⁷ О написании имен божеств на сосудах для винопития (γρομματακὰ ἐκπόματα) говорит Афиней (XV. 692e): καὶ μετὰ ταῦτα πλείστων τῶν μὲν ἀγαθοῦ δαίμονος αἰτούντων ποτήριον, τῶν δὲ Διὸς Σωτήρος, ἄλλων δὲ Ὑγείας καὶ ἑτέρων ἑτεροῦς ἐπιλεγόντων. Эпиграфические примеры см. Толстой. Ук. соч. № 160–161 (имена Зевса Сотера, Гермеса и Доброго Гения в род. пад., процарапанные на горлышке сосуда из Пантикапея); Lang. Op. cit. P. 53; ГАХ. С. 7.

¹⁸ См. также Parker R. Polytheism and Society at Athens. Oxf., 2005. P. 435.

¹⁹ Сообщение Плутарха (Thes. 18. 3) о том, что Дельфийский оракул назначил Тезею Афродите в качестве предводительницы в его странствиях, имеет целью лишь подчеркнуть любовный аспект истории (Ариадна) и вряд ли может быть соотнесено с аттическим культом Афродиты Гегемоны. Ср. Parker. Op. cit. P. 408. Not. 85.

²⁰ Современная сводка по этому культу отсутствует. Из старых работ наиболее полное собрание свидетельств приводится в исследованиях: Farnell L.R. The Cults of the Greek States. Vol. II. Oxf., 1896. P. 462, 576; RE VII. 2. 1912. Sp. 2596, s.v. Hegemone (Jessen).

скольких местах. В Ликосуре (к западу от Мегалополиса) перед входом в святилище Деспойны, аркадской богини мистерий, располагался храм Артемиды Предводительствующей, в котором находилось изваяние (видимо, работы Дамофонта из Мессены), изображающее эту богиню с двумя факелами (Paus. VIII. 37. 1; VIII. 37. 4; ср. также IG V. 2. 522: посвящение Деспойне и Артемиде из Ликосуры, II–I вв. до н.э.; SEG XLI. 332; ср. Bull. ép. 1994. 121: упоминание статуи богини, изготовленной Дамофонтом из Мессены). В данном случае наиболее естественным кажется следующее объяснение имени богини: она выступала в роли руководительницы участников культовой церемонии, указывающей им путь и освещающей его факелами²¹. О святилище Артемиды Гегемоны в другом аркадском городе, Тегее, известно из текста Павсания. Перизетт приводит храмовую легенду об установлении данного культа Хроном, бежавшим сюда из аркадского Орхомена после убийства им по приказанию Артемиды орхоменского тирана Аристомелида (Paus. VIII. 47. 6). Это сообщение, возможно, подкрепляется находкой близ Тегеи (в Асее) фрагментарной женской статуи (вторая половина VII – начало VI в. до н.э.) с надписью 'Αϋεμόν на базе (LSAG. P. 209. № 6). Скорее всего, перед нами сокращенная форма эпиклезы Артемиды Гегемоны²². Во всяком случае интерпретация данной статуи как изображения сидящей на троне Артемиды представляется вполне вероятной²³. Похожая на тегейскую культовая легенда связана со святилищем Артемиды Гегемоны в коринфской колонии Амбракии в Эпире. Она гласит, что на охоте при содействии Артемиды Агротеры был убит тиран Фалайк. За это амбракиоты стали почитать ее как Артемиду Гегемону (Anton. Liber. Metamorph. IV. 5; ср. Polyæn. VIII. 52). Обе легенды, скорее всего, носят этиологический характер, тем не менее детали рассказа (свержение тирании) позволяют предположить, что в обоих случаях доминировала политическая функция Артемиды как предводительницы демоса.

В Спарте Артемиды Гегемоны имела общее святилище с богиней Илифией и Аполлоном Карнеем (Paus. III. 14. 6). Соседство с Илифией делает возможным предположение, что Артемиде отводилась здесь роль либо руководительницы брачной процессии, либо покровительницы невесты, получающей новый социальный статус²⁴. В Феспиях в Беотии было обнаружено посвящение жрицы Феодоты Артемиде Гегемоне ('Αρτάμιδι 'Αϋεμόνῃ)²⁵. Интересно, что этот памятник по своему типу близок найденным там же многочисленным посвящениям Артемиде, носившей эпikleзу Илифия. Вполне вероятно, что все они происходят из одного святилища, где Гегемона и Илифия могли почитаться совместно²⁶, как и в Спарте. Нельзя исключать и того, что эпikleза Гегемоны в данной надписи обозначает ту же самую богиню, которая в остальных феспийских посвящениях именуется Илифией. Так или иначе, для нас важно, что в обоих случаях эпikleза 'Αϋεμόνῃ связана с хорошо известной функцией Артемиды как покровительницы женщин и деторождения²⁷.

²¹ Jost M. Sanctuaires et cultes d'Arcadie. P., 1985. P. 172, 417. По функции это божество можно сопоставить с Артемидой Пропилеей, храм которой находился при входе в святилище в Элевсине (Paus. I. 38. 6; ср. Simon E. Die Götter der Griechen. München, 1985³. S. 158).

²² Ср. RE I. 1894. Sp. 772, s.v. Agemo (Wentzel).

²³ LIMC I. 1981. P. 282 (s.v. Agemo, Hegemo), 671 (s.v. Artemis).

²⁴ Ср. RE III. 2 Reihe. 1929. Sp. 1462, s.v. Sparta (Ziehen).

²⁵ Plassart A. Inscriptions de Thespies // BCH. 1926. 50. P. 409. № 24.

²⁶ Это предположение сделано издателем надписи (Plassart. Op. cit. P. 409).

²⁷ Вероятно, что в «Лисистрате» Аристофана (Lys. 643) близкий по значению к ἡϋεμόνῃ эпитет ἀρχηγέτις также относится к Артемиде как покровительнице женщин. Ср. Sourvinou C. Aristophanes, Lysistrata 641–647 // CQ. 1971. 21. P. 339–342; Walbank M.B. Artemis Bear-Leader // CQ. 1981. 31. P. 276–281.

При рассмотрении других свидетельств нам приходится ограничиться лишь констатацией существования культа Артемиды Гегемоны, поскольку мы не знаем практически ничего о его содержании. О ее культуре в эллинистическом Эпидавре свидетельствует находка алтаря с надписью Ἄρτάμιτος Ἀγεμόνας (SEG XXXVIII. 321). Культ Артемиды Гегемоны существовал, видимо, и в Мессене (IG V. 1, 1443 и SEG XLI. 352A, l. 2: τὸ ἄγαλμα τᾶς Ἀ[γε]μ[ό]νας, рубеж II–I вв. до н.э.). Почитание Артемиды Ортосии Гегемоны эпиграфически засвидетельствовано памятниками из Аттики (Пирей, IG II². 5012: Ἄρτέμιδος Ὀρθωσίας Ἠγεμόνης) и Киклад (Тенос, IG XII. 5, 894 (II в.): Ἄρτέμιδος Ἀγεμονείας Ὀρθωσίας). Свидетельства о существовании святилища Артемиды Гегемоны происходят также из Этолии. В Мокисте была обнаружена надпись (судя по всему, на межевом столбе): Ἄρτέμιτος Ἀγεμόνο[ς] (*Woodhouse W.J. Aetolian Inscriptions // JHS. 1892/1893. XIII. P. 353. № 30 = GDI II. 1428h*)²⁸. Еще одно упоминание данного культа в Этолии происходит из Фермоса (IG IX. 1. Fasc. 1. 92, II в. до н.э.?). В Македонии (Kalindoia) было найдено посвящение конца II в. до н.э. Артемиде Гегемоне и Аполлону Пифийскому (SEG XLII. 586 = Hatzopoulos, Loukoroulou XI. K3). Почитание богини зафиксировано также на Книде в эллинистическое время (IKnidos I. 150 = SGDI 3541, заклятие рубежа III–II вв. до н.э.). Важно отметить, что в источниках это божество может обозначаться одной лишь эпikleзой Ἠγεμόνη без добавления имени, как мы видели на примере текстов из Мессении, Аркадии и Книды (SEG XLI. 332, 352 A; IKnidos I. 150).

Все перечисленные выше культы имели, очевидно, локальные особенности, установить которые при нынешнем состоянии источников не представляется возможным. Тем не менее мы вряд ли ошибемся, предположив, что в основе каждого из них лежало представление о божестве, либо руководящем перемещениями человека или коллектива людей (Афродита Гегемона в Афинах, Артемиды Гегемона в Тегее, Амбракии), либо выступающем покровителем при переходе из одного состояния в другое (харита Гегемона в Аттике, Артемиды Гегемона в Спарте и Феспиях)²⁹.

Итак, если в рассматриваемой херсонесской надписи слово Ἠγεμόνη не личное имя, а обозначение божества, то, как мы отмечали выше, надпись должна указывать на использование данного сосуда для возлияний в честь этого божества во время симпосия или в святилище. Устойчивая связь культовой эпikleзы Ἠγεμόνη с Артемидой дает основание ожидать упоминания в надписи именно этой богини. Упоминание одной из харит или Афродиты кажется менее вероятным, так как под именем Ἠγεμόνη и та, и другая почитались только в Аттике, причем их культы слабо представлены даже в аттических источниках. Правда, культ собственно Артемиды в эллинистическом Херсонесе, судя по немногочисленным свидетельствам керамической эпиграфики, также не получил значительного распространения³⁰. Зато, как неоднократно отмечалось, многие черты культа Артемиды обнаруживаются в почитании Партенос, верховного божества

²⁸ Ср. *Woodhouse W.J. Aetolia. Its Geography, Topography, and Antiquities. Oxf., 1897. P. 207.*

²⁹ Ср. похожие функции мужских божеств с эпikleзой Ἠγεμών vel sim.: Аполлона, Гермеса, Геракла, Диониса. См. RE VII. 1912. Sp. 2598, s.v. Hegemonios (Jessen), *Lexicon Roscher I (1884–1890). Sp. 1875 ff. s.v. Hegemon archegetes (Drexler).*

³⁰ *Соломоник Э.И. О культе Артемиды в Херсонесе // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 155–157. Ср. ГАХ. С. 7; ГХХ. С. 10.*

таврического полиса³¹. В частности, одной из особенностей херсонесского культа Партенос было, вероятно, почитание ее под эпikleзами Артемиды. Например, как показала Э.И. Соломоник, эпikleза Σώτειρα, засвидетельствованная в одном из херсонесских посвящений, относилась к Партенос, в то время как в большинстве других регионов греческого мира этот эпитет чаще всего прилагался к Артемиде³². Можно предположить, что подобно Артемиде Сотейре культ Артемиды Гегемоны также нашел отражение в культе верховного божества Херсонеса и что, таким образом, в публикуемом граффито под именем «прекрасной Предводительницы» упоминается именно богиня Партенос. Определение «прекрасная» (καλή) в сочетании с именем Ἡγεμόνη выбрано автором граффито, судя по всему, не случайно. Как показывает надпись римского времени из Бойев (IG VI. 960 = Peek, GV 924), прилагательное «прекрасная» (καλή) выступало таким же регулярным эпитетом Артемиды, как «лучница» (τοξοφόρος) и «родовспомогательница» (λοχίη)³³.

Попытаемся точнее определить содержание данного культа. Возможно, эпikleза Ἡγεμόνη прилагалась к Артемиде-Партенос как сакральной предводительнице колонистов Херсонеса Таврического. Как известно, Помпоний Мела (II. 3) прямо говорит об основании Херсонеса Артемидой (oppidum adiacet Chersonesus, a Diana, si creditur, conditum)³⁴. Вспомним при этом, что Артемида нередко выступала покровительницей путешественников, в частности колонистов, именно в ипостаси Гегемоны, «указывающей путь»³⁵. Имя Ἡγεμόνη могло указывать и на другую (впрочем, связанную с только что названной) функцию бо-

³¹ Minns E.H. *Scythians and Greeks*. Cambr., 1913. P. 543; Мецераков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 104–119. Из недавних работ см. Русяева А.С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74 сл.; Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 67 сл.

³² НЭПХ II. 125. С. 69–75.

³³ Эпитет καλή эпиграфически засвидетельствован и по отношению к другим божествам. Ср., например, мозаичные надписи конца V–IV в. до н.э. из Олинфа: Ἀφροδίτη καλή и Εὐτυχία καλή (Robinson D.M. *The Villa of Good Fortune at Olynthos* // AJA. 1934. 38. P. 503; ср. Guarducci. Op. cit. P. 323).

³⁴ Представляется любопытным сопоставление данного указания и сообщения Псевдо-Скимна (827–831 Diller) об участии делосцев в колонизации Херсонеса. Возможная связь делосского культа Артемиды и херсонесского культа Партенос заслуживает более подробного исследования. Ср. Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 73.

³⁵ Ср. RE VII. 1912. Sp. 2596, s.v. Hegemone (Jessen); Lexicon Roscher. Bd I. 2. 1897–1902. Sp. 1877, s.v. Hegemone (Stoll); Simon. Op. cit. S. 154. В качестве сакрального ойкиста Артемида выступает в легендах об основании Милета и Бойев. Говоря о Милете, Каллимах (Hymn. in Dian. 226–227) именует Артемиду Ἡγεμόνην как божество, приведшее Недея к месту, где он впоследствии основал колонию (σε γὰρ ποιήσατο Νηλεὺς / Ἡγεμόνην, ὅτε νηυσὶν ἀνήγετο Κεκροπίθην). Ср. Herrmann P., Günter W., Ehrhardt N. *Inchriften von Milet*. III. В., 2006. S. 152. В Бойях Артемида считалась основательницей города, хотя ее культовый эпитет, упоминаемый Павсанием (III. 22. 12), – Σώτειρα, а не Ἡγεμόνη. Связь эпikleзы Ἡγεμόνη с участием божества в колонизации подтверждается употреблением соответствующего существительного мужского рода – Ἡγεμών. В частности, оно прилагалось к Аполлону как патрону колонистов в Фасисе, как показывает посвятельная надпись рубежа V–IV в. до н.э. (Думберг К.Е. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области // ИАК. 1901. 1. С. 98 сл.: Ἀπόλλωνος Ἡγεμόνος εἰμι τοῦ Φάσι). Ср. Lordkipanidze O. *Das alte Kolchis und seine Beziehungen zur griechischen Welt von 6. bis zum 4. Jh. v. Chr.* (Xenia 14). Konstanz, 1985. S. 25.

жества, а именно руководство гражданской общиной³⁶. В таком случае в Херсонесе этот эпитет обозначал верховную роль Партенос как божества-покровителя полиса. Хорошую параллель дает текст херсонесского декрета в честь Диофанта (IOSPE I². 352, 23), где Партенос названа «постоянной покровительницей херсонеситов» (ἀ διὰ παντὸς Χερσονασιτῶν προστατοῦσα [Πα]ρθένος). В данном примере причастие προστατοῦσα может значить не только «защитница, покровительница», но и «руководительница», т.е. выступать синонимом интересующего нас существительного ἡγεμόνη.

Кроме того, как мы видели выше, сближение в ряде случаев культа Артемиды Гегемоны и Илифии делает возможным и другое предположение: в херсонесской надписи речь идет о Партенос как о покровительнице девушек и женщин, в частности в связи с замужеством и деторождением. Косвенным подтверждением этой функции Партенос могут служить данные Аммиана Марцелина, который, говоря о верховной богине тавров, называет ее Артемидой Родовспомогательницей (XXII. 8. 33: *immolantes advenas Dianae, quae apud eos dicitur Orsilochē*). Это сообщение отражает, судя по всему, достаточно древние реалии. Эпитет «родовспомогательница» (Orsilochē) в форме Ὀρσιλοχία фигурирует уже у эллинистического автора Никандра (в изложении Антонина Либерала, гл. 27) применительно к получившей бессмертие Ифигении, с которой, как мы знаем, греческая традиция (Herod. IV. 103) отождествляла верховное божество Таврики³⁷.

Наконец, третья гипотеза. Как отмечалось в исследовательской литературе, эпikleза Артемиды Ἠγεμόνη восходит с большой вероятностью к архаическому образу этой богини как предводительницы нимф³⁸. Он известен в литературе начиная с «Одиссеи» Гомера (Od. VI. 102 sqq.: τῆ δε θ' ὄμα Νύμφαι, κοῦραι Διὸς αἰγλόχοιο, / ἀγρονόμοι παίζουσι; ср. Hom. Ad Aphrod. 118–120; Soph. Trach. 213 sqq.: Ἄρτεμιν... γείτονάς τε Νύμφας; Apoll. Rhod. III. 881; Callim. Hymn. Dian. 13–15, 42, 162). Примечательно, что в этом же контексте специально отмечается и красота Артемиды. В частности, образ Артемиды, превосходящей красотой своих спутниц-нимф, используется Гомером в описании встречи Навсикаи и Одиссея (Od. VI. 107–109: πασάων δ' ὑπὲρ ἧ γε κάρη ἔχει ἠδὲ μέτωπα, / ῥεῖα τ' ἀριγνώτη πέλεται, καλαὶ δὲ τε πᾶσαι)³⁹.

³⁶ Этот аспект культа Артемиды Гегемоны подчеркивается в работе: *Simon. Op. cit.* P. 154. Действительно, в Магнесии на Меандре Артемида регулярно именуется в надписях ἀρχηγέτις τῆς πόλεως (IMagnesia. P. 213), а в найденном там же декрете граждан аркадского Мегалополиса в честь магнесийских феоров она названа καθαγεμόνων τὰς πόλιος (IMagnesia 38, 36). В документах из Иасоса и Эфеса Артемиды именуется προκαθηγεμόνων τῆς πόλεως (Sasos 248; IEph 26). Однако во всех этих случаях нет оснований считать, что существительные καθαγεμόνων и т.п. употребляются как культовые эпитеты. Поэтому мнение Э. Симон (*Op. cit.*) о том, что именно политическая функция является первичной для образа Артемиды Гегемоны представляется недостаточным обоснованным.

³⁷ Об эпитете Орсилохе и функции Артемиды как родовспомогательницы см. *RE II* (1895), s.v. Artemis, sp. 1347 (Wernicke); *RE XVIII*. 1942. Sp. 1419, s.v. Orsilochē (Kruse).

³⁸ *Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion.* I². München, 1955. S. 499. Ср. *Morizot Y. Artémis, l'eau et la vie humaine // L'eau, la santé et la maladie dans le monde grec.* P., 1994 (BCH. Suppl. 28). P. 201–213; *Larson J. Handmaidens of Artemis // The Classical Journal.* 1997. 92. P. 249.

³⁹ См. выше о прилагательном καλή как культовом эпитете Артемиды. Ср. сообщение Павсания (VIII. 35. 8) об аркадском культе Артемиды Прекраснейшей (Καλλίστη). Там же говорится об использовании в эпической поэзии эпитета Καλλίστη по отношению к Артемиде. Ср. *Hesych.*, s.v. Καλλίστη.

С другой стороны, из сопоставления ряда источников вытекает связь между культом нимф и культом Партенос в Херсонесе Таврическом. В сочинении Помпония Мелы (II. 3) сразу же после упоминания основания Херсонеса Артемидой говорится о знаменитой пещере нимф на херсонесском акрополе (*nymphaeo specu quod in arce eius nymphis sacratum est maxime illustre*). Вспомним также, что на том же херсонесском акрополе располагалось и святилище Партенос, о чем говорится в эллинистическом декрете в честь Диофанта (IOSPE I². 352, 52: ἐν τῷ ἀκροπόλει[ι] παρὰ τὸν τᾶς Παρθένου βωμὸν καὶ τὸν τᾶς Χερσονόσου). В свою очередь, в агиографическом сочинении «Жития св. епископов херсонских» упоминается находившаяся в городе священная пещера, которая называлась Παρθενῶν, т.е. «жилище Партенос» (гл. 4: σπηλαίῳ τινὶ Παρθενῶνι κατονομαζομένῳ; ср. гл. 17: ἀπὸ τοῦ ῥεγεῶνος τῆς λεγομένης μικρᾶς ἀγορᾶς μέχρι τοῦ Παρθενῶνος ὠνομασμένου τόπου). Уже В.В. Латышевым были приведены убедительные доводы в пользу локализации пещеры Парфенона на херсонесском акрополе и высказано мнение о возможности ее отождествления с пещерой нимф, а Э. Миннз, приняв эту гипотезу, предположил, что божество Херсонасос, чей алтарь упоминается вместе с алтарем Партенос в декрете в честь Диофанта (IOSPE I². 352, 52), являлась одной из нимф⁴⁰. Если вспомнить, что культ Партенос вобрал в себя многочисленные элементы культа Артемиды, то почитание Партенос как предводительницы нимф в Херсонесе представляется вполне вероятным.

Окончательная проверка данного толкования – дело будущего, когда для этого, возможно, появятся дополнительные данные. Однако для нас важно то, что исследуемое граффито может быть интерпретировано в русле теории о близости херсонесской Партенос и Артемиды и, таким образом, может служить еще одним доводом в ее пользу. В Херсонесе эпиклеза Ἡγεμόνη могла восходить к образу Партенос как предводительницы нимф, а уже впоследствии быть переосмысленной или дополненной новыми значениями в соответствии с другими аспектами почитания главного божества таврического полиса. Отметим в заключение, что, возможно, именно с почитанием Партенос как «Предводительствующей» (Ἡγεμόνη) связано появление в Херсонесе известного иконографического типа «Артемиды, держащая факел»⁴¹. Речь идет прежде всего о медных херсонесских монетах середины – начала второй половины IV в. до н.э., изображающих Партенос, мчащуюся на колеснице с факелом в руке⁴².

⁴⁰ Латышев В.В. Жития св. епископов херсонских. Исследование и тексты (Записки Имп. Академии наук. по ист.-фил. отд. Т. VIII. № 3). СПб., 1906. С. 50 слл. Ср. Minns E.H. Op. cit. P. 544; Braund D. Parthenos and the Nymphs at Crimean Chersonesos: Colonial Appropriation and Native Integration Koinè Pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux dans la région nord-pontique. Bordeaux, 2007. P. 195 ff. (развивая Миннза, автор полагает, что божество Херсонасос являлось одной из нимф, фигурировавшей в легенде об основании Херсонеса).

⁴¹ Чаще всего эту иконографию связывают с образом Артемиды Φωσφόρος, но она, безусловно, могла использоваться для изображения близкой по функции Артемиды Гегемоны. Ср. выше описание статуи Артемиды Гегемоны в Ликосуре (Paus. VIII. 37. 1). См. также Farnell. Op. cit. II. P. 462 (там же сопоставление с аттическим культом Артемиды Φωσφόρος, Clem. Alex. I. 25).

⁴² Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 22 сл.; Сапрыкин С.Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3. С. 48 сл. Ср. эллинистическую монету ранее не известного типа с изображением Девы в башенной короне на лицевой стороне и горящего факела на оборотной (Туровский Е. Новые и малоизвестные монеты

Итак, если предлагаемая интерпретация верна, публикуемый фрагмент позволяет расширить наши представления о культе верховного божества Херсонеса Таврического. Он служит еще одним подтверждением того, что культ Партенос заключал в себе многочисленные черты культа Артемиды. Почитание этой богини в качестве Гегемоны могло быть связано как отдельно с любым из перечисленных выше аспектов, так и с их совокупностью, будь то мифологические истоки культа Партенос в качестве предводительницы нимф или такие ее функции, как покровительство, оказываемое девушкам и женщинам, сакральное руководство гераклеийско-делосской колонизацией Таврики или защита гражданской общины херсонеситов.

A RED-FIGURE *CYLIX* WITH AN INSCRIPTION
FROM THE EXCAVATIONS IN CHERSONESUS TAURICA

I. A. Makarov, S. V. Ushakov

The *cylix* unearthed in the south-eastern part of Chersonesus belongs to the group of red-figure vessels with Dionysian scenes and is dated to the 1st half of the 4th century BC. The Greek inscription scratched on the tondo reads: 'Αγεμόνας καλάς. The Paleographic characteristics of the inscription correspond to the 4th c. BC. The noun 'Αγεμόνα admits two interpretations. If it is a woman's personal name (not so far attested in North Pontic epigraphy), the inscription is to be read as a proprietor's mark: «Beautiful Hagemona's cup». But if it is an epiclesis, it is most probably referred to the supreme goddess of Chersonesus, Parthenos. If this is the case, the inscription is sacral in character and confirms the closeness of the Chersonesian cult of Parthenos to that of Artemis. The cult of Artemis Hegemone is known in many parts of the Greek world (especially in Peloponnese). In Chersonesus the epiclesis 'Αγεμόνα could refer to various aspects of Parthenos' cult. The goddess could have been seen as the leader of the first colonists and protector of the city, as a patroness of girls and women or as the head of the nymphs, whose sanctuary, situated on the acropolis, was one of the city's attractions (Pomp. Mela II. 3).

Херсонеса // Мир древности. № 1/2007(2). Симферополь, 2008. С. 49. Рис. 10. Похожая иконография встречается и в других памятниках эллинистического Херсонеса: ср. терракотовый жертвенник из жилого дома в XIX квартале (Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // Труды ГЭ. VII. 1962. С. 160) и грузила с отпечатками гемм (НЗХТ, инв. № 30816 и 11/36593). Данные изображения связывались Э.И. Соломоник с Артемидой Сотейрой (НЭПХ II. С. 81) или с Гекатой (Соломоник Е.И. Присвята з городища Беляус // Археологія. 1992. № 1. С. 50). Среди опубликованных граффити Херсонеса пока не удалось обнаружить такие, где можно с уверенностью восстановить эпikleзу 'Αγεμόνη, хотя некоторые из них содержат сокращения АГ и АГЕ (ГАХ 125, 159, ср. 148).